

Е. И. Романова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТРАНСФОРМАЦИЯ «СМЫСЛОВ ЛЮБВИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – XX ВЕКОВ

Позначено вузлові моменти трансформації «снів любові» в російській літературі XVIII–XX ст. В історії російської літератури «сенси любові» послідовно пов'язувалися з ідеєю особи (від любові, що затверджує цінність людини у Тредіаковського, до любові як засобу індивідуалістичного самоствердження у Лермонтова), метафорично, як модель ідеальних сімейних стосунків, раціонально побудованих на принципах розумного егоїзму, проектувалися на утопічні проекти перевлаштування громадських стосунків (Герцен, Чернишевський), переносилися у сферу онтології, виявляючи конфліктне протиріччя «жорстокої похитливості» родового інстинкту, що владно поневолює особу, і любов, що відкриває через жертву егоїзму цінність Іншого (Толстой Достоевський). У історіософських концепціях Срібного століття містично/класово перетворена любов розглядалася як засіб соборного/товариського єднання людства. Початок деконструкції модерністських «снів любові» можна побачити в антиутопії Є. Замятіна «Ми», а постмодерністські тексти Вол. Сорокіна концептуально завершують модерністський проект ідеї «перетворення» любові в історії російської літератури.

Ключові слова: «сене любові», дискурс, трансформація.

Обозначены узловые моменты трансформации «смыслов любви» в русской литературе XVIII–XX вв. В истории русской литературы «смыслы любви» последовательно связывались с идеей личности (от любви, утверждающей ценность человека у Тредиаковского, до любви как средства индивидуалистического самоутверждения у Лермонтова), метафорически, как модель идеальных семейных отношений, рационально выстроенных на принципах разумного эгоизма,

© Е. И. Романова, 2015

проецировались на утопические проекты переустройства общественных отношений (Герцен, Чернышевский), переносились в сферу онтологии, обнаруживая конфликтное противоречие «жестокости сладострастия», властно порабащающего личность родового инстинкта, и любви, открывающей через жертву эгоизма ценность Другого (Толстой Достоевский). В историософских концепциях Серебряного века мистически/классово преобразенная любовь рассматривалась как средство соборного/товарищеского единения человечества. Начало деконструкции модернистских «смыслов любви» было положено антиутопией Е. Замятина «Мы», а постмодернистские тексты Вл. Сорокина концептуально завершают модернистский проект идеи «преобразования» любви в истории русской литературы.

Ключевые слова: «смысл любви», дискурс, трансформация.

The key moments of transformation of «senses of love» in Russian literature of the XVIIIth – XXth centuries are marked. In the history of Russian literature «senses of love» were consistently connected with the idea of personality (from love, asserting the value of man in Trediakovsky, to love as means of individualistic self-affirmation in Lermontov), metaphorically as a model of the ideal domestic relations rationally ranged on the principles of reasonable egoism, were mapped to the utopian projects of reorganization of public relations (Herzen, Chernyshevsky), were carried to the sphere of ontology, finding out conflict contradiction of «cruel sensuality» that enslaves the personality of tribal instinct, and to love that opens through the sacrifice of egoism a value of Other (Tolstoy, Dostoevsky). The beginning of the deconstruction of Modernist «senses of love» was initiated by Zamyatin's dystopia «We». Postmodern texts of Sorokin completed Modernist project of «transforming» of love in the history of Russian literature.

Keywords: «the meaning of love», discourse, transformation.

Сложность и неоднозначность художественных воплощений любви как «вечной темы» искусства обусловлена пограничным характером культурного феномена любви. Не сводя любовь только к ее природному предназначению, культура всегда стремилась обнаружить в любви глубинные экзистенциальные и онтологические смыслы, связать сущность любви с целостными концепциями мира и человека. Среди огромного массива работ, посвященных рассмотрению любви как целостного дискурса, можно выделить ряд значимых историко-литературных работ, посвященных анализу темы любви в творчестве русских писателей [3; 5–7; 9; 12], исследования, в которых художественные решения проблем пола и любви введены в широкий культурологический контекст [8; 13; 14]; сочинения философов Серебряного века, в которых концептуально обозначено мировоззренческое значение проблем любви и пола в русской культуре Серебряного века [2; 4; 10]; философские и культурологические работы, освещающие основные тенденции формирования дискурса любви в истории культуры [1; 11].

Целью данной статьи является обозначение узловых моментов трансформации «смыслов любви» в русской литературе XVIII–XX вв.

Нетрудно заметить, что смена художественных концепций мира и человека влечет за собой трансформацию концептов любви. «Смыслы любви» (Вл. Соловьев) формируются в семиотически организованных пространствах культуры и приобретают вид дискурса-знания – кода, моделирующего систему представлений и ценностей каждой эпохи (М. Фуко). Если говорить о дискурсе любви как нарративно организованной структуре – сквозном «Тексте Эроса» русской литературы, то его сюжетные повороты обозначаются в «текстах-провокаторах», художественно фиксирующих изменения культурных представлений о смыслах жизни и смыслах любви [см.: 1].

Понимание многомерности и изменчивости смысловых наполнений концепта любви в русской литературе возможно лишь при их рассмотрении в контексте широкого спектра социокультурных взаимодействий.

В литературе Петровской эпохи, отразившей эпистемологический разрыв религиозного и светского мироощущений, обращение к авантюрно-любовным сюжетам обозначило тенденцию утверждения новой нерелигиозной модели деятельного, наделенного правом свободного выбора человека. Эта тенденция концептуализируется в переводном романе В. Тредиаковского «Езда в остров Любви». Жанровая форма романа, сочетающего признаки утопии и путешествия, позволяет писателю выстроить новую модель мира. В утопическом пространстве острова природный первичный закон любви отменяет любые формы религиозной и социальной иерархии. Любовь уравнивает всех, и путешествие в остров Любви становится для героя Тредиаковского своего рода инициацией, открывающей путь к Славе. Отношение к страсти как к «преодоленной трудности» на пути к служению-славе вполне вписывает роман писателя в контекст ценностей Просвещения.

В конце XVIII века в русский повестях, ориентированных на западноевропейские образцы сентиментализма, намечился мировоззренческий сдвиг от защищаемых Просвещением ценностей Разума и Долга к утверждению ценности чувства. В творчестве Н. Карамзина опыт сентиментализма кристаллизуется, обретает концептуальность и контрастное противопоставление в экспозиции повести развалин Си...нова монастыря и ветхой лачужки бедной Лизы, символизирует в повести значимость переключения интереса писателя с изображения исторических судеб на художественное осмысление судеб индивидуализированных героев. Помещая свою героиню в ситуацию экзистенциального выбора между «святостью» традиционных моральных предписаний и «греховностью» их отрицания в «падении» и самоубийстве бедной Лизы, писатель вместе с признанием высшей нравственности закона любви отстаивает и абсолютную ценность человеческой индивидуальности. В повести Н. Карамзина любовь становится уже не формой утверждения права человека на свою судьбу, как в романе В. Тредиаковского, но признанием ценности индивидуализированной личности.

Каждая эпоха, по-своему объясняя неизбежный конфликт между миром и человеком, стремится найти некое гармонизирующее основание для его разрешения. Эпоха Просвещения открыла универсального «естественно» разумного человека, сентиментализм – столь же универсального «естественно» чувствующего.

А. Пушкин «размыкает» тему любви в пространство истории, подвергая сомнению мысль XVIII века об универсальном характере природы разумности или чувствительности. В «опытах изучения драматических характеров» он исследует трансформации исторически обусловленных смыслов жизни и смыслов любви. И, если в «Маленьких трагедиях» Пушкин утверждает любовь как экзистенциальное ядро личности, то в метаисторической поэме «Медный всадник» обозначает «болевого нерв» внутренней конфликтности живого чувства частного человека и внешней безликой силы государственности. Ни социальное неравенство, ни жажда справедливости не могли бы толкнуть бедного чиновника на бунт против Кумира: он восстает против Медного всадника, увидев в нем виновника гибели своей возлюбленной. Хотя Евгений и смиряется, и неизменно погибает в своем трагическом противостоянии Медному всаднику, утверждение и отстаивание «маленьким человеком» своего неприкосновенного права на частную жизнь, любовь, семью делает его равновеликой силой истории.

Стремясь разорвать дискурсивную заданность культурных стереотипных форм любовного чувствования и поведения, Пушкин в романе о современности их иронически переосмысливает и художественно деконструирует. Жанровое своеобразие «Евгения Онегина» определяет «дьявольская разница» конфликтующих начал: элегической стихии романтизма и реалистически ориентированной романной аналитики, которая и порождает игру с дискурсивными сте-

реотипами. Высвобождая своих героев из плена литературных канонов, Пушкин экспериментирует с шаблонными образами, мотивировками, ожидаемыми сюжетными развязками. Смысл этой игры в деконструкции традиционных литературных моделей. По жанровому закону реалистического романа «деромантизируются» и оказываются на грани пародии Ольга, Ленский, Онегин. Свою любимую героиню Татьяну Пушкин, наделяя романной судьбой, оставляет в пространстве элегической поэзии. Вполне возможно, что провокативная загадка пушкинской Татьяны может быть отгадана в этом столкновении романного и поэтического слова. В ее ответе земному Онегину «Я вас люблю (к чему лукавить?) // Но я другому отдана; // Я буду век ему верна» парадоксальным образом прочитывается верность вовсе не «важному», «толстому» мужу-генералу, но тому Другому Онегину, своему небесному суженому, которому она поклялась отдать свое сердце. Сюжетное завершение любовной истории Онегина и Татьяны положит начало характерной для литературы второй половины XIX полемике о любви и браке, обернувшейся спором о принципах социальной реорганизации общественных отношений.

Рассматривая любовь как высшую идеальную ценность, романтики проецировали «смыслы любви» на утверждение собственной личности, и постепенно романтическая любовь все больше оборачивалась чувством эгоистическим. В «Герое нашего времени» открывается этическая парадоксальность романтической концепции. В отличие от «скучающего эгоиста» Онегина, Печорин эгоист сознательный. Стремясь отыскать в любви ее абсолютный смысл и не находя его, метафизический бунтарь экспериментирует с границами добра и зла, в любовных отношениях обнаруживается скрытая форма извечной «войны полов», и победа в любви становится средством индивидуалистического самоутверждения.

Литература 40-х годов, обнаружившая в романтической любви эгоистическое чувство, в духе реалистической эстетики переориентирует тему любви с личностной на социальную проблематику. Романтические сюжеты пародируются во многих знаковых текстах этого периода. Неожиданно игра с романтическими шаблонами, структурирующая фабулы «Обыкновенной истории» И. Гончарова, романов А. Герцена «Кто виноват?», И. Тургенева «Отцы и дети» и т. д., обнажила не только искусственность романтических любовных коллизий, но и художественную ограниченность натуралистического сведения лица к социальному типу.

К середине века представления о любви соединились с идеями французских социалистов-утопистов. Мечта о гуманистической социальной реорганизации общества связывалась с задачей перестройки принципов любовных отношений. В центре дискурса любви русской литературы оказались проблемы семьи и брака, а мотив любовных треугольников, интертекстуально связываемый с загадкой пушкинской Татьяны, определил его тематическую направленность вплоть до начала XX века. Обсуждение темы верности и отстаивание права человека свободно следовать своему сердечному чувству, становится значимой частью революционно-демократических требований гражданских прав и свобод. Героиня герценовского романа, подобно пушкинской Татьяне, отказывается от любви и остается верной своему мужу. «Кто виноват?», задается вопросом автор, что этот выбор никого не сделал счастливым. Н. Чернышевский отвечает романом «Что делать?». В его художественном проекте основанная на началах не индивидуалистического, а разумного эгоизма семья становится базовой «ячейкой» идеально организованного социального устройства. Достоевский опровергает «эротическую утопию» бесполой героини Чернышевского, концептуализируя тему «жестокости сладострастия». Он иронизирует по поводу идеи разумного эгоизма как рецепта устройства идеального общества согласованных интересов. В концепции писателя человеческая любовь несовершенна, и возлюбить ближнего как самого

себя невозможно по закону личности, эгоистического «я». Отвергая лежащие в основании проекта Чернышевского позитивистские принципы утилитаризма, Достоевский сохраняет его концептуальное зерно: человечество объединится в соборность, только «уничтожив», «растворив» личность во всеобщей, не знающей эгоизма христовой любви. Писатель не отвергает, но нравственно требует «преображения» сладострастия, видя в нем «эмбрион всеединства».

Для Л. Толстого в любви открывается властная, порабощающая человека темная сила равнодушного к личности родового инстинкта. Внутренняя полемичность связывает роман «Анна Каренина» не только с пушкинским «Евгением Онегиным», но и повестью А. Герцена «Кто виноват?». Если герои герценовской повести несчастны, потому что не посмели свободно отдаться своим чувствам, то герои романа Толстого наказаны за то, что подчинили свою жизнь властному зову пола.

Публикация «Крейцеровой сонаты» обозначила центральное положение проблемы пола в литературе рубежа XIX–XX веков. Обнаружение злой странности, заложенной в любви сладострастной жестокости, открывало иную, прежде мало вербализованную, правду о человеке в романах Ф. Сологуба. Своеобразный логический итог попыткам обозначить социальное измерение любви подводится в позитивистски ориентированных концепциях мира и человека. П. Боборыкину проблема пола представляется слишком надуманной и легко вытесняется приоритетностью социально-экономических интересов. М. Арцыбашев, напротив, видит проблему не в самом половом инстинкте, а в искажающих естественность полового вожделения социальных предрассудках.

В историософских исканиях Серебряного века причудливым и логически непротиворечивым образом контаминировались художественные выводы о смыслах любви Толстого и Достоевского. Провозглашенная Ницше «смерть Бога» обозначила дискурсивный сдвиг, «переоценку ценностей» и стала основанием модернистского проекта переделки мира и человека. Русская эротическая философия формулировала идею: переделка человека должна начаться с «преображения» пола.

Идеи соборной любви, актуализированные на рубеже веков эсхатологическими настроениями революционной эпохи, полемически переосмысливаются в повести И. Бунина «Деревня». Образ Молодой, символически соотносительный с Россией, Бунин структурирует, ориентируясь на ключевой текст русской историософии «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. История Сарры и Агари становится кодом исторических прогнозов писателя о грядущей судьбе России и художественно воплощается в сюжетной концовке повести: мечтающий стать новым Авраамом, но так и оставшийся бездетным хозяйственник Тихон отдает прародительницу нового рода Молодую – Агарь в жены «живорезу»-пролетарию Дениске.

Мечта о революционном «классовом» преобразении человека определяет художественную концепцию романа М. Горького «Мать». Писатель требует «переоценки» родовых семейных ценностей и замены их ценностями революционными. Аскетизм Павла Власова рационально мотивирован революционной необходимостью. Главный герой А. Блока «Двенадцать» поставленный перед трагическим выбором – или невидимый за снежной вьюгой Христос, или Катькины хмельные ночки – становится невольным убийцей возлюбленной. Смерть Катьки в поэме симптоматично отражает тенденцию становления модернистской утопической модели «товарищества/соборности» «как мира без женщин».

В романе-антиутопии Е. Замятина последовательно деконструируются основные идеи русского модернистского проекта. Единое государство, исключяющее свободу, вынуждено поддерживать всеединство полицейскими мерами и

тотальным контролем, а «вырезывание фантазии» (эвфемизм кастрации) – крайняя мера «*Lex sexualis*», доводит до последних логических пределов модернистскую идею «преображения пола».

В постмодернистскую эпоху «заката метанарраций» деконструкции подвергается модернистская идея переделки мира и человека. Опасность любых «переделок» несовершенного человека подчеркивается в постмодернистском романе Вл. Сорокина «Лед». С почти цитатной точностью воспроизводя в своем романе основные положения статьи Вл. Соловьева «Смысл любви», писатель художественно доказывает, что не только классовая (коммунизм) и расовая (нацизм), но и идея всеобщей соборной любви может обернуться эсхатологической катастрофой.

Таким образом, сюжетное движение дискурса любви как нарративно организованной структуры проявляется в точках эпистемологических разрывов культурных эпох. В истории русской литературы «смыслы любви» последовательно связывались с идеей личности (от любви, утверждающей ценность человека у Третьяковского, до любви как средства индивидуалистического самоутверждения у Лермонтова), метафорически, как модель идеальных семейных отношений, рационально выстроенных на принципах разумного эгоизма, проецировались на утопические проекты переустройства общественных отношений (Герцен, Чернышевский), переносились в сферу онтологии, обнаруживая конфликтное противоречие «жестокости сладострастия» властно порабащивающего личность родового инстинкта, и любви, открывающей через жертву эгоизма ценность Другого (Толстой, Достоевский). В историософских концепциях Серебряного века мистически/классово преобразенная любовь рассматривалась как средство соборного/товарищеского единения человечества. Начало деконструкции модернистских «смыслов любви» было положено антиутопией Е. Замятина «Мы», а антиисториософская трилогия постмодерниста Вл. Сорокина, переосмысливающего идеи Серебряного века в контексте трагической истории XX века, концептуально завершает модернистский проект «преображения» любви в истории русской литературы.

Текст Эроса русской литературы, как и любая другая нарративная структура, организующая «вечные темы» в едином сюжете, принципиально не завершен. Смысловые наполнения концепта «любовь» меняется от эпохи к эпохе, и для литературоведения исследование дискурса любви остается актуальной, сложной и интересной задачей.

Библиографические ссылки

1. *Батай Ж.* Из слез Эроса / Ж. Батай // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины 20 века : сборник / [пер. с фр., / сост., комментарии С. Л. Фокина]. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 271–308.
2. *Бердяев Н.* Эрос и личность : Философия пола и любви / Н. А. Бердяев ; [сост. и вступ. ст. В. П. Шестакова]. – М. : Прометей, 1989 : МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – 157, [1] с.
3. *Боренштейн Э.* Женоубийцы : жертвоприношение женщин и мужское товарищество в ранней советской прозе [Электронный ресурс] / Э. Боренштейн ; М. Липовецкий // Континент. – 2001. – № 2 (108). – С. 290–321. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/continent/2001/108/bor-pr.html>
4. Вышеславцев Б. П. Этика преобразенного Эроса / Б. П. Вышеславцев ; [вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова]. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
5. *Колобаева Л. А.* Русский эрос: философия и поэтика любви в романе начала и конца XX века / Л. А. Колобаева // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. – Филология. – 2001. – № 6. – С. 43–60.

6. *Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России / О. Матич. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 400 с.

7. *Недзвецкий В. А.* И.А Гончаров и русская философия любви (к постановке проблемы) // Изв. АН России. Сер. яз. и литературы. – Т. 53. – 1994. – № 1. – С. 24–35.

8. *Паперно И.* Семиотика поведения. Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. Новое литературное обозрение: Научное приложение / И. Паперно. – М. : Новое литературное обозрение, 1995. – 207 с.

9. *Романова Е. И.* Любовь и самосознание личности в русской литературе : монография / Е. И. Романова. – Д. : Нова ідеологія, 2012. – 286 с.

10. *Соловьев Вл.* Смысл любви / Вл. Соловьев // Русский Эрос, или Философия любви в России. – М. : Прогресс, 1991. – С. 84–102.

11. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности / М. Фуко ; [пер. с франц. В. Каплуна]. – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.

12. *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX вв. / Лора Энгельштейн. – М. : Terra, 1996. – 571 с.

13. *Эткинд А.* Содом и Психея : очерки интеллектуальной истории Серебряного века / А. Эткинд. – М. : ИЦ «Гарант», 1995. – 413 с.

14. *Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России / А. Эткинд. – СПб. : МЕДУЗА, 1993. – 464 с.

Надійшла до редколегії 20.03.2015 р.